

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009

Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг.

ИЛЬЯС АБДУЛХАЕВИЧ АБДУЛХАННЯНОВ

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Аннотация. В статье осуществляется ретроспективное исследование одного из распространенных логико-гносеологических средств юридической техники – юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства; дается его краткая характеристика; определяется, что фикция применялась при формулировании различных уголовно-правовых предписаний, в частности: института условного осуждения, условно-досрочного освобождения, коллективной уголовной ответственности, приравнивании правового статуса некоторых категорий лиц и стадий совершения преступления. Делается вывод о том, что юридическая фикция способствовала рациональному и эффективному регулированию общественных отношений, достижению необходимых целей уголовной политики, одновременно с этим в ряде случаев она использовалась при формулировании положений, противоречащих фундаментальным общеправовым и специальным уголовно-правовым принципам (личной индивидуальной ответственности, справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности).

Ключевые слова: некодифицированное уголовное законодательство; ретроспективное исследование; юридическая техника; фикция в уголовном праве; условное осуждение; условно-досрочное освобождение; коллективная уголовная ответственность; приравнивание правового статуса.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Абдулханьянов И. А. Ретроспективное исследование юридической фикции в нормах советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг. // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 89–98. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009.

Original article

Retrospective Study of Legal Fiction in the Norms of Soviet Uncodified Criminal Legislation in 1917–1922

IL'YAS A. ABDULKHANNYANOV

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Abstract. The article provides a retrospective study of one of the most common logical and epistemological means of legal technique – legal fiction in the norms of Soviet uncodified criminal legislation; presents its brief description; determines that fiction was used in the formulation of various criminal law prescriptions, in particular, the institution of conditional conviction, parole, collective criminal liability, equating the legal status of certain categories of persons and crime commission stages. The author concludes that legal fiction contributed to rational and effective regulation of public relations, achievement of necessary goals of criminal policy, at the same time, in a number of cases, it was used in the formulation of provisions that contradict fundamental general legal and special criminal law principles (personal individual responsibility, justice, differentiation and individualization of criminal liability).

Key words: uncodified criminal legislation; retrospective research; legal technique; fiction in criminal law; conditional conviction; parole; collective criminal liability; equalization of legal status.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Abdulkhannyanov I.A. Retrospective study of legal fiction in the norms of Soviet uncodified criminal legislation in 1917–1922. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 89–98. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.009.

Современное уголовное законодательство изобилует значительным количеством юридико-технических изъянов, порождающих его коллизионность, пробельность, нарушающих основополагающие правовые принципы (законности, справедливости, гуманизма), что в совокупности препятствует построению эффективного механизма борьбы с преступностью. Осмыслить эти изъяны и выработать на основе этого конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства призвана наука уголовного права.

Осуществление системной целенаправленной деятельности по исследованию уголовно-правовой реальности немислимо без использования соответствующего интеллектуального инструментария – методологии, в содержании которой видное место занимает исторический метод. Как отмечал Л. С. Белогриц-Котляревский, изучение постепенной модификации современных общественных институтов имеет важнейшее научное значение, которое может быть реализовано только за счет исследования их прошлого состояния [1, с. 59]. Другой дореволюционный ученый В. В. Есипов утверж-

дал, что всесторонне уяснить любое уголовно-правовое явление или понятие нельзя без исторического их рассмотрения [2, с. 18].

Характер проводимых сегодня юридических, в том числе уголовно-правовых, научных исследований претерпевает некоторые изменения: все более распространенным становится изучение не конкретных понятий, институтов, преступлений, видов наказаний и т. д., а логико-гносеологических инструментов, при помощи которых формулируются и нормативно закрепляются перечисленные явления. Юридические категории начинают рассматриваться несколько с иного ракурса, если можно так выразиться, в другом разрезе, отличающемся динамичностью, позволяющем понять гносеологическую природу отдельных норм.

К числу таких интеллектуальных инструментов конструирования уголовно-правовых предписаний относится юридическая фикция, которая исследуется сегодня в контексте учения о юридической технике. Под ней в современном уголовном праве понимается средство юридической техники, сознательно используемое при формулировании предписаний Уголовного кодекса Российской Федерации, не соответствующих действительности, в целях реализации уголовной политики государства.

Юридическая (более корректно применительно к уголовному праву именовать ее уголовно-правовая) фикция не осмыслена надлежащим образом, в особенности история ее использования в отечественном уголовном законодательстве. Этот пробел не позволяет всесторонне оценить значимость и перспективы применения фикции в действующем уголовном законодательстве, сформулировать предложения по совершенствованию некоторых его положений. В своих более ранних публикациях мы уже осуществили ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в уголовном законодательстве XI–XVIII вв., цель данной статьи состоит в выявлении и оценке норм советского некодифицированного уголовного законодательства 1917–1922 гг., в основе которых лежит фикция.

Произошедшие в 1917 г. глобальные революционные общественно-политические преобразования обусловили коренное реформирование правовой политики государства, выразившееся, главным образом, в разработке концептуально нового законодательства, в том числе уголовного. Рассматриваемый период характеризуется отсутствием кодифицированных нормативных актов, в качестве основных источников права выступали декреты, инструкции и постановления, регламентирующие узкий круг конкретных вопросов, зачастую содержавшие в себе нормы сразу нескольких отраслей права. Принятие в 1917–1920 гг. уголовного кодекса объективно было невозможно по причине отсутствия устойчивых общественных отношений, еще формирующихся вследствие грандиозных изменений государственного строя [3, с. 242]. В связи с этим был определен иной, ранее не встречавшийся подход к реорганизации правовой системы. Профессор А. А. Герцензон отмечал, что с октября 1917 г. до принятия УК РСФСР 1922 г. вступило в силу около 400 актов, содержащих нормы уголовно-правового характера [4, с. 75]. При их формулировании разработчики нового советского уголовного законодательства продол-

жили использовать все те же выработанные и неоднократно апробированные юридико-технические средства и приемы, в том числе юридическую фикцию.

В Декрете ВЦИК № 2 «О суде» [5], изданном в дополнение и развитие положений Декрета СНК № 1 «О суде» [6], впервые в истории отечественного уголовного законодательства закреплялся институт условного осуждения. В ст. 29 рассматриваемого декрета указывалось на то, что народные заседатели, разрешая вопрос о мере наказания, могли по своему убеждению уменьшить его размер вплоть до условного освобождения виновного. В ст. 32 предусматривалось право осужденного лица после вынесения приговора просить местный народный суд об условном или досрочном освобождении от отбывания наказания.

Условное осуждение как одно из возможных правовых последствий осуждения лица стало предметом активной международной научной дискуссии во второй половине XIX в., однако, несмотря на это, так и не нашло своего отражения в дореволюционном российском уголовном законодательстве. Профессор Н. Д. Сергеевский призывал воздерживаться от введения института условного осуждения из-за целого ряда сомнений в его соответствии основной задаче карательного правосудия и называл его загадкой будущего уголовного права, нежели постулатом настоящего [7, с. 379–380].

Фиктивность условного осуждения заключается в формальном порицании виновного лица посредством вынесения судом в отношении него обвинительного приговора с назначением конкретного вида наказания, однако фактически не применяемого к нему в силу ряда причин. К таковым относится экономия государством репрессивных мер, предположение им возможности исправления лица и восстановления социальной справедливости без реального отбывания им карательных взысканий. Лицо, совершившее преступление и признанное виновным, оказывается огражденным от обязательного восприятия лишений и ограничений его прав и свобод, установленных в отношении него приговором суда.

Существование данного института вызвано к жизни гуманистическими началами уголовного права: преступнику предоставляется возможность переосмыслить свое поведение без обращения к реальному наказанию. По мнению А. А. Пионтковского, эффективность условного осуждения предопределялась психическим давлением на осужденного угрозой возможного применения к нему настоящей, материализованной санкции [9, с. 105–106].

К недостаткам института условного осуждения, по Декрету ВЦИК № 2 «О суде», следует отнести то, что он был слабо регламентирован, поскольку законодательно закреплял лишь право народных заседателей и виновного лица на установление (прошение) условного осуждения. При этом оставались неурегулированными вопросы, связанные с обязанностями условно освобожденного, требованиями к испытательному сроку, возможностями и условиями замены такого осуждения на реальное наказание и т. д.

Восполнение подобных пробелов осуществлялось за счет регионального нормотворчества. Так, съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана в мае 1918 г. было разработано и введено в действие специальное по-

ложение об условном осуждении [3, с. 142], что не способствовало формированию единообразной правоприменительной практики на территории всего государства.

Чуть более чем через год вступают в силу Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [10], ставшие первым примером систематизации уголовного законодательства и включавшие в себя положения Общей части Уголовного кодекса, ряд из которых в дальнейшем найдет свое воплощение в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. и Основных началах уголовного законодательства СССР [11, с. 36; 12, с. 25]. Представляя собой своего рода кодекс без Особенной части, данный документ отразил принятую советским правительством концепцию противодействия преступности [13, с. 9].

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР институту условного осуждения отведен самостоятельный разд. VII «Об условном осуждении», состоящий из одной статьи, фиксирующей условия назначения условного осуждения и порядок его прекращения. Его содержание, несмотря на заметное развитие института условного осуждения, все же нельзя назвать удачным как с юридико-технической, так и с концептуальной точки зрения, поскольку многие вопросы его реализации по-прежнему не регламентировались.

К другому примеру использования фикции следует отнести положения Постановления Совета Труда и Оборона от 12.08.1921 «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» [14], которыми устанавливалась коллективная, в том числе уголовная коллективная, ответственность правления объединения (предприятия) за невыполнение производственного плана, ненадлежащее качество выпускаемых изделий, несохранность имущества. Подобная мера продиктована рядом экономических факторов и не вполне соответствует принципу справедливости и индивидуализации наказания. Фиктивность данной нормы заключается в том, что к ответственности привлекаются не конкретные лица, а субъект права, сам фактически являющийся фикцией, абстракцией, искусственно созданной и признанной государством.

В Декрете от 28.01.1918 «О Революционном трибунале печати» [15], определяющем процессуальные вопросы деятельности Революционного трибунала печати, его полномочия и порядок рассмотрения подсудных ему дел, в п. 9 содержатся возможные виды наказаний. В них наряду с лишением свободы, удалением из столицы, отдельных местностей или пределов РСФСР предусматривались и наказания корпоративных субъектов (временная или навсегда приостановка деятельности издания, конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания печати), что следует отнести к случаю применения юридической фикции.

В Постановлении VI Всероссийского Съезда Советов от 06.11.1918 «Об освобождении некоторых категорий заключенных» указывалось на освобождение от заключения всех задержанных, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено обвинение в осуществлении заговора против советской власти и ряде других антиреволюционных деяний [16]. Как отмечают исследователи, подобная мера продиктована желанием советской власти,

во-первых, смягчить остроту гражданской войны и, во-вторых, продемонстрировать крестьянам и рабочим разумность и цивилизованность вновь образованного правового порядка [17, с. 40]. Фиктивность подобного нормотворческого решения выражается в том, что не все освобожденные от заключения лица в действительности невиновны и не совершали антигосударственных деяний.

Постановлением Совета Рабочей и Крестьянской обороны от 15.03.1919 весь наличный состав рабочих и служащих речного и морского флота Советской Республики, занятый ремонтом и разработкой судов, вывозкой топлива для флота, считался призванным на военную службу [18]. Рабочих, фактически не являющихся военнослужащими, формально приравнивали к таковым на определенный срок (с момента опубликования документа до окончания навигации), в чем и заключается фиктивный аспект нормы. Она имеет непосредственное уголовно-правовое значение, поскольку с момента издания постановления все эти лица несли уголовную ответственность по законам военного времени и подлежали суду военно-революционным трибуналом. Целесообразность принятого решения объясняется срочной необходимостью восстановления и укрепления военно-морского флота, в частности за счет установления жесткой трудовой, буквально воинской, дисциплины на производстве.

Наказуемость неоконченного преступления и некоторые вопросы соучастия в некодифицированном уголовном законодательстве 1917–1922 гг. формулировались по ряду противоправных деяний при помощи юридической фикции. На протяжении длительного времени в отечественном уголовном законодательстве обнаружение умысла на совершение наиболее тяжких государственных преступлений приравнивалось к оконченному преступлению. Советский законодатель 1917–1922 гг. приравнивал к оконченному преступлению другую стадию его совершения – покушение. Фиктивность подобных уголовно-правовых конструкций заключается в том, что фактически неоконченное преступление, еще не повлекшее никаких общественно опасных последствий, юридически признается завершенным, аккумулируя в себе предупредительный потенциал уголовного закона.

Сразу в нескольких декретах и постановлениях, содержащих особо опасные преступления, борьбу с которыми Советское государство считало первоочередной, имелись формулировки: «покушение на... наказывается как оконченное преступление» [19–22].

Вопросы соучастия в контрреволюционных преступлениях разрешались также недифференцированно: в декретах «О спекуляции» и «О набатном звоне» различные соучастники (пособники, организаторы и подстрекатели) и прикосновенные лица (укрыватели и недоносители) привлекались к ответственности так же, как и исполнители, в чем и выражается фиктивность. Их вклад в преступление объективно менее опасен, нежели деятельность исполнителя, однако, несмотря на это, они привлекаются к ответственности равнозначно, то есть фактически их ролевой преступный статус приравнивался друг к другу.

Такой подход нельзя назвать удачным, поскольку он совершенно не учитывает степень личного участия лица в совершении преступления, приводит к уравниванию лиц, имеющих какое-либо, даже самое отдаленное отношение к преступлению, что не соответствует принципу справедливости.

Проведенное исследование фикции в уголовно-правовых памятниках советского неcodифицированного уголовного законодательства позволило сформулировать следующие выводы:

Во-первых, разработчики советского уголовного законодательства продолжили использовать при его конструировании все те же выработанные и неоднократно апробированные юридико-технические правила, приемы и средства, в том числе юридическую фикцию, позволяющую наиболее рационально и эффективно регулировать общественные отношения, достигать необходимых целей уголовной политики.

Во-вторых, это свидетельствует об универсальности применяемого в правотворчестве и правоприменении юридико-технического инструментария, его деидеологизированности, востребованности при любом государственном устройстве.

В-третьих, логико-гносеологическое средство – фикция – было использовано при формулировании новых для отечественного уголовного законодательства гуманистических институтов: условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

В-четвертых, несмотря на вышеуказанное, посредством юридической фикции в разное время формулировались отдельные нормы советского уголовного законодательства, противоречащие основополагающим правовым, в том числе уголовно-правовым, принципам (таким, например, как личной ответственности, справедливости, дифференциации уголовной ответственности).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. 618 с.
2. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права : Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 2-е изд., пересм. СПб., 1898. 550 с.
3. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов [и др.]. М., 1948. 466 с.
4. Герцензон А. А. Социалистическое уголовное законодательство в период до издания первого советского Уголовного кодекса // Социалистическая законность. 1937. № 12. С. 75–85.
5. О суде : декрет ВЦИК от 18.02.1918 № 2 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
6. О суде : декрет СНК РСФСР от 22.11.1917 № 1 // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 24 нояб.
7. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая: Пособие к лекциям. 7-е изд. СПб., 1908. 397 с.
8. Тарасенко В. В. Уголовно-правовая фикция в юридической конструкции условного осуждения // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 272–276.

9. Пионтковский А. А. Об условном осуждении или системе испытания: уголовно-политическое исследование. Одесса, 1894. 191 с.
10. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Народ. комиссариата юстиции // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 66. Ст. 590.
11. Сизова В. Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1. С. 34–41.
12. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 24–31.
13. Коняхин В. П. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – одна из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 7–11.
14. Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства : постановление Совета Труда и Оборона от 12.08.1921 // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 63. Ст. 462.
15. О Революционном трибунале печати : декрет СНК РСФСР от 28.01.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.
16. Об освобождении некоторых категорий заключенных : постановление VI Всерос. Съезда Советов от 06.11.1918 № 1033 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1445.
17. Медведев А. В. Репрессии и амнистии Советского государства в Нижегородской губернии в годы гражданской войны (1918–1920) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 38–51.
18. О зачислении всего состава рабочих и служащих речного и морского флота и рабочих и служащих, занятых по ремонту судов и вывозке топлива для флота, в разряд военнослужащих : постановление Совета Рабочей и Крестьян. обороны от 15.03.1919 № 249 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М., 1943. С. 342–343.
19. О спекуляции : декрет от 22.07.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.
20. О взяточничестве : декрет СНК от 08.05.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.
21. О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти : постановление ВЦИК от 05.01.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.
22. О набатном звоне : постановление СНК от 30.07.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 57. Ст. 628.

REFERENCES

1. Belogrits-Kotlyarevskii L.S. *Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasty* [Textbook of Russian criminal law. General and special parts]. Kiev, 1903. 618 p.
2. Esipov V.V. *Ocherk russkogo ugolovnogo prava: Chast' obshchaya: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye* [An essay of Russian criminal law: General part: Crime and criminals. Punishment and the punished]. 1898. 550 p.
3. Herzenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D. et al. *Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava* [History of Soviet criminal law]. Moscow, 1948. 466 p.
4. Herzenzon A.A. Socialist criminal legislation in the period before the publication of the first Soviet Criminal Code. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1937, no. 12, pp. 75–85. (In Russ.).

5. About the court: Decree of the Central Executive Committee No. 2 of February 18, 1918 In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1918. No. 26. Art. 420. (In Russ.).
6. About the court: Decree of the SNK of the RSFSR No. 1. of November 22, 1917. *Gazeta Vremennogo rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva = Newspaper of the Provisional Workers and Peasants' Government*, 1917, November 24. (In Russ.).
7. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast' Obshchaya: Posobie k lektsiyam* [Russian criminal law. General part: manual for lectures]. Saint Petersburg, 1908. 397 p. (In Russ.).
8. Tarasenko V.V. Criminal-legal fiction in the legal construction of a conditional sentence. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2014, no. 11, pp. 272–276. (In Russ.).
9. Piontkovskii A.A. *Ob uslovnom osuzhdenii ili sisteme ispytaniya: ugovno-politicheskoe issledovanie* [On probation or probation system: criminal and political research]. Odessa, 1894. 191 p.
10. Guiding principles on criminal law of the RSFSR: resolution of the People. Commissariat of Justice. In: *Sobranie zakononii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva* [Collection of legalizations and orders of the Workers And Peasants' Government]. 1919. No. 66. Art. 590. (In Russ.).
11. Sizova V.N. The evolution of Russian criminal legislation in the period from 1917 to 1924. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 1, pp. 34–41. (In Russ.).
12. Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V. The guiding principles 1919 as a prototype of the general part of the criminal code of the RSFSR 1922. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 24–31. (In Russ.).
13. Konyakhin V. P. The guiding principles 1919 as a prototype of the General Part of the Criminal Code of the RSFSR 1922. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2019, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
14. Basic provisions on measures to restore large-scale industry and raise and develop production: Resolution of the Council of Labor and Defense of August 12, 1921. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1921. No. 63. Art. 462. (In Russ.).
15. On the Revolutionary Tribunal of the Press: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 28, 1918. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1918. No. 28. Art. 362. (In Russ.).
16. On the release of certain categories of prisoners: Resolution VI Vseros. Congress of Soviets of 06.11.1918 No. 1033. In: *Sobranie zakononii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg* [Collection of legalizations and orders of the Workers and Peasants' Government for 1917–1918]. Moscow, 1942. Pp. 1445. (In Russ.).
17. Medvedev A.V. Repressions and amnesties of the Soviet state in the Nizhny Novgorod province during the Civil War (1918–1920). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2019, no. 4, pp. 38–51. (In Russ.).
18. On the enrollment of the entire staff of workers and employees of the river and sea fleet and workers and employees engaged in the repair of ships and the removal of fuel for the fleet in the category of military personnel: Resolution of the Council of Worker and Peasants' Defense No. 249 of March 15, 1919. In: *Sobranie zakononii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1919 g.* [Collection of legalizations and orders of the Workers and Peasants' Government for 1919]. Moscow, 1943. Pp. 342–343. (In Russ.).
19. On speculation: Decree of July 22, 1918. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 54. Art. 605. (In Russ.).

20. On bribery: decree of the SNK of May 8, 1918. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 35. Art. 467. (In Russ.).

21 On recognition as a counter-revolutionary action of all attempts to appropriate the functions of state power: Resolution of the Central Executive Committee of January 5, 1918. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 14. Art. 202. (In Russ.).

22. On the alarm bell: Resolution of the Council of People's Commissars of July 30, 1918. In: *Sobranie zakononii RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1918. No. 57. Art. 628. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИЛЬЯС АБДУЛХАЕВИЧ АБДУЛХАННЯ-НОВ – адъюнкт Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

IL'YAS A. ABDULKHANNYANOV – Associate of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4789-0341>

Статья поступила 29.11.2022